

Не останню роль грає також художнє оформлення підручників, фотографії та ілюстрації, що унаочнює і робить більш цікавим для сприйняття текстовий матеріал, що підтверджує і робота зі студентами за аналізованими підручниками.

Таким чином, присутність у підручниках лінгвокраїнознавчого компоненту дозволяє розв'язати одночасно кілька завдань. Завдяки цьому активізується як лексика, так і граматичні конструкції іноземної мови, розвивається усне мовлення, засвоюються комунікативні моделі для вироблення навичок спілкування. Крім того, такі елементи знайомлять з культурою народу, мова якого вивчається, та активно формують фонові знання, без яких не можливе адекватне розуміння і продукування іноземного мовного матеріалу, а тому, на наш погляд, введення країнознавчої інформації на початкових етапах вивчення мови є більш ніж виправданою.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Васильєва Л. Концепція підручника з іноземної мови // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – Львів, 2007. – С. 222 – 228; 2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лінгвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1979; 3. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения. – Москва, 1995; 4. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале американизмов английского языка). – Москва, 1991; 5. Лармак В. Актуелни методолошки проблеми наставе српског језика као страног за студенте почетнике у Украјини // Славистика. Књига V. – Београд, Славистичко друштво Србије, 2001. – С. 245 – 255.

Полякова Т.М. (Київ, Україна)

Киевский жаргон в литературно-художественном творчестве А. И. Куприна

У статті досліджується міський жаргон України, зафіксований на сторінках художніх творів російського письменника О. І. Купріна. Увага зосереджена на манері художнього творення дійсності притаманними для цієї дійсності лінгвальними знаками, що відбиває історичну, соціальну та культурну ситуацію суспільства. Специфіка використання жаргонізмів у літературно-художньому дискурсі розцінюється як засіб реалізації індивідуально-авторських задумів.

Ключові слова: жаргонізм, злочинницька мова, вулично-міське аргіо України, російський художній дискурс, авторський художній метод.

В статье исследуется городской жаргон Украины, зафиксированный в литературно-художественном творчестве А. И. Куприна. Анализируется метод художественного воспроизведения действительности характерными для нее языковыми знаками, что отражает историческую, социальную и культурную ситуацию общества. Специфика использования жаргонизмов в литературно-художественном дискурсе рассматривается как способ реализации индивидуально-авторского замысла.

Ключевые слова: жаргонизм, воровской язык, улично-городское аргіо Украины, русский художественный дискурс, авторский художественный метод.

This article examines the urban jargon of Ukraine on the pages of the literary works of Russian writer A. I. Kuprin. Attention is focused on the way that a sense of reality is artistically created by means of linguistic symbols specific to this reality, which reflects the historical, social, and cultural situation of the society. The specific of using jargon's in the artistic literary discourse is evaluated as a means of realizing individual authorial intentions.

Key words: *jargon's, thieves' cant, Ukrainian urban street slang, Russian literary discourse, author's artistic method.*

Жаргонизмы в творчестве русских писателей XIX – нач. XX вв. – явление не достаточно частотное. Н. Г. Помяловский отразил бурсацкий жаргон в повести «Очерки бурсы» (1862–63), воровские жаргонизмы и выражения аферистов различного рода присутствуют в романах Д. В. Григоровича «Переселенцы» (1855–56), В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–67), Андр. Печерского «На горах» (кн. 1, ч. II, гл. XVII) (1875–81), в документальном очерке Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома» (1861–62). Образцы подобной речи русские писатели давали с осторожностью, поскольку их герои, по определению самого А. И. Куприна, «говорили что-то на условном жаргоне, представляющем смесь из еврейского, цыганского и румынского языков и из воровских и конокрадских словечек» [7, 73].

А. Куприн использует жаргонную лексику в рассказах цикла «Киевские типы». Писатель фиксирует элементы разговорной речи представителей специфической социальной прослойки Киева – воровской жаргон местных жуликов, условные слова и выражения азартных карточных игроков («Вор», «Бенефициант»). Целесообразность анализа улично-городского аргота в лингвокультурологическом аспекте исследования определяется его особым функциональным (а также историческим) статусом, который формирует одну из низших отметок по шкале речевой культуры какого-либо языкового сообщества, отражает, как полагал В. М. Жирмунский, «языковой бунт разрозненного и случайного характера, в соответствии с социальной практикой деклассированных (нищих, бродяг, профессиональных воров) и некоторых связанных с ними общественных групп» [5, 118–119, 166–167].

В творчестве А. Куприна жаргонизмы особо выделены как русскоязычная составляющая разговорного лексикона украинского города, лексемы определены терминологически и соотнесены с киевским ареалом: «... “марвихеры”, как и прочие воры, выработали *свой собственный условный язык*»; «Сведущее лицо, то есть учитель, или – как он зовется на *воровском argot* – “маз”»; «Стоящий на страже, или *по-киевски** “штемп”, выбирается из второстепенных воришек... *Говорим “*по-киевски*” потому, что многие термины, как, напр., “стремить”, “жулик” и др., повсеместны, а некоторые *принадлежат только киевскому воровскому языку*»; «Описывая различные *категории киевских воров*, мы упустили из виду некоторые интересные специальности...»; «... здесь мы подходим уже к весьма интересному миру сутенеров, или, *по-киевски*, “зуктеров”» [9, 412, 415–417].

Формат литературно-художественного контекста позволяет освещать

значения жаргонизмов в юмористическом плане; автор вводит их пояснения, оговаривая: «что на воровском жаргоне означает», «у них называется» (у воров, «выработавших свой собственный условный язык»), «на их жаргоне», «то есть», «иным словом», «так называемые». Объемное толкование образует по сути композицию рассказа, например: «... любитель сильных ощущений может и теперь еще вкусить прелесть карточного азарта на одном из *так называемых “бенефисов”*. В *Киеве* есть десятка три или четыре игроков, собирающихся почти ежедневно по вечерам для стуколки и штосса... День сборища называется на *их жаргоне “бенефисом”*, потому что приносит хозяину квартиры несомненные выгоды...» [9, 439–440].

Жаргонный язык, используемый в рассказах (единицы различных частей речи, словосочетания), освещает объемный лексикографический реестр киевского воровского словоупотребления. Писатель акцентирует внимание на семантической дифференциации жаргонизма и «общепринятого выражения», например: «“Аферист”* – это пышный, великолепный цветок воровской профессии... *Читатели дальше увидят, что выражение “аферист” на языке воров имеет значение, весьма различающееся с общепринятым... (следует обширное толкование образа и деятельности воровской персоны. – Т. П.)» [9, 416].

А. Куприн описывает «деятелей» и лиц, имеющих различное отношение к криминальной сфере, включает в произведение лексико-семантические группы жаргонизмов, например, довольно объемную ЛСГ составляют *nomina agentis*, характеризующие лицо с различных точек зрения (сфера незаконной деятельности, методы, звено в последовательности криминала): *марвихер* – «вор, занимающийся исключительно карманными кражами» [9, 412], *скачок* – «его специальность – ночные кражи через форточки и двери, отворяемые при помощи отмычек» [9, 414], *бугайщик* – вор, работающий «не руками, а головой и языком. Он спекулирует на человеческой глупости, доверчивости и жадности» [9, 415], *аферист* – специализируется на «проделках с ювелирами и банковскими конторами», берет на себя «самые разнообразные роли, начиная от посыльного и кончая губернатором», исполняет их «с искусством...» [9, 416], *хитисница* – воровка «во время распродаж и окончательных ликвидаций» в магазинах, *христославец* – подобные типы «собираются на рождественских праздниках в небольшие компании и ходят по домам “со звездой”, выискивая удобный случай стянуть в передней пальто или калоши», *блакатарь* – «покущик и украватель краденого» [9, 417], *ярмарочный шулер* – тип «господина», промышляющего игрой в карты и др. на «контрактах» (на киевской ярмарке на Подоле, ныне эта площадь именуется «Контрактная». – Т. П.), «действующего в одиночку..., надеющегося единственно на “проворство рук”...» [9, 439], *бенефициант* – хозяин квартиры, где происходят вечерние сборища карточных игроков, получающий с каждого выигрыша проценты и предупреждающий о близости полиции [9, 440], а также *итемп*, *зуктер*, *кот* и т. д.; иные группы наименований: *карась* – намеченная жертва, *менто* – тюремный надзиратель, *масалка* – военный; номинации этапов преступления –

подводка («приготовление дела»), *стремить* («наблюдать»), *отконать* («окончить дело»); частотны номинации артефактов: орудий, с помощью которых совершается кража, и добычи – *хомка*, *дуван*, деталей одежды, личных предметов быта воров и др. реалий – *шкары* (панталоны), *гудок* (манишка и галстук), *стукалы* (часы), *кайстра* (мешок, карман, кошелек) [9, 413–415, 417].

Представление жаргонизмов синонимическим рядом (с указанием иерархии *nomina personalis*), в лексико-семантических вариациях, свидетельствует о том, насколько детально удалось А. Куприну изучить криминальную жизнь большого украинского города и, соответственно, наречие городского «дна», зафиксировать «не лежащий на поверхности» компонент лингвокультуры, заключающий в себе противоречие относительно самого понятия «культурной принадлежности» («на воровском языке принято обычно говорить между своими и по большей части в отсутствии посторонних. <...> от вора очень трудно добиться каких-либо объяснений по поводу тех выражений и слов, которые он употребляет. <...> Вор не дает никаких пояснений о воровской среде, о ее быте, о ее языке» [11, 51, 52–53]), например: «За *марвихером* следует лицо высшей категории – “*скок*”, иначе – “*скачок*” или “*скóкцер*”... всякий “*скачок*” не расстается с ножом, который *на воровском жаргоне* называется очень разнообразно: “*пером*”, “*хомкой*”, “*жуликом*” и другими именами» [9, 414]; ср. отмеченные писателем значения лексем «дело» (1), «*хитис*» (2), «*иниф*» (3): 1) общее наименование различных видов преступлений; 2) общее наименование кражи и кражи в магазинной сутолоке; 3) кража со взломом [9, 413, 416, 417].

Включение в художественный текст куплетов воровских песен расширяет рамки городского арго, служит связующим звеном разновекторных направлений характеристики деятельности криминальных элементов («*Защитник у глазах /Обрежет прокурора...*»; «*Процай, моя Одесса, /Процай, мой карантин...*» [9, 413–414]). А. Куприн обращает внимание читателей на наличие интернационального компонента в украинском воровском словоупотреблении – т. е. жаргонизмов «повсеместных», характерных, например, и для воровского языка российских городов (иллюстрация авторского локального распределения жаргонизмов упоминалась выше [9, 415]). К «воровским интернационализмам» принадлежат номинации воровских сигналов – *зекс*, *шесть*, а также жаргонизмы *дело*, *хитис*, *иниф*, *инифер*, *аферист*, *бугайцик*, *иулер*, *жулик*, *перо*, *забить баки*, *стремить*.

Ряд «повсеместных» жаргонизмов в устах воров «киевской ассоциации» имеет несколько иное семантическое наполнение (преобладающее явление – сужение семантики лексемы), это фиксируется писателем. Ср.: «скачок – 1. Квартирная кража. 2. Квартирный вор-взломщик» [16, 224] и определение А. Куприна (см. выше), относящееся только к имени деятеля, метод которого точно охарактеризован и частично пересекается с общим «вор-взломщик» (т. е. с понятием *инифер*) [9, 414, 416]; «марвихер – 1. Вор-гастролёр, совершающий кражи в гостиницах. 2. Опытный карманный вор» [16, 136], у А. Куприна – это вор-карманник [9, 412]; «блатной – преступный – относящийся к преступному миру. Воровской жаргон» [Ушаков (1), 151], у А. Куприна такое наименование

имеет конкретное лицо – пособник, покровитель [9, 418]; «хипієсница – женщина проститутка, обирающая посетителей» [15, 178], «хипієсница – (из воровского арго). Проститутка, занимающаяся кражей денег и ценных вещей у пришедших к ней посетителей» [Ушаков (2), 1146], в «Киевских типах» такая деятельность характерна для *кошки*, *хипієсница* в Киеве – это магазинная воровка [9, 417].

Утверждение писателя, что «многие термины повсеместны, а некоторые принадлежат только киевскому воровскому языку» [9, 415], иллюстрируется примечанием В. Даля в словарной статье «мазурик»: «... они (различные типы воров. – Т. П.) придумали свой язык., *бутырь* – городской., *мешок* – приемщик краденого., *шмель* – кошелек., *веснухи* и *стуканцы* – часы...» [Даль (1), 289]. В рассказе «Вор» А. Куприн отмечает иные наименования для соответствующих понятий, которые характерны для речи криминальных элементов украинского города, ср.: «городовой» – *барбос*, «кошелек» – *кайстра*, «покупщик краденного» – *блакатарь*, «часы» – *стукалы* [9, 413, 417]. Сопоставление киевских номинаций в «плане содержания» и в «плане выражения» с жаргонными элементами в научно-исследовательской и словарной литературе свидетельствует о высокой вариативности арго в отношении пространственной локализации (см. далее по тексту).

Отдельную категорию городского словоупотребления образуют прозвища, упомянутые в рассказах «Босяк», «Заяц», «Ханжушка», «Стрелки». По определению А. Куприна, это «полуиронические местные названия» лиц, объектов, реалий киевской среды («арго деклассированных, шуточные жаргонные прозвища явлений профессионального быта», по В. М. Жирмунскому).

Употребление местных прозвищ сопровождается вводными фразами «существует в Киеве», «в Киеве имя ему», «таким насмешливым прозвищем окрестили в Киеве». Прозвища, распространенные в Киеве и других украинских городах, выделяются графосемантически, их толкование является основой композиции рассказов. А. Куприн осуществляет локальную дифференциацию наименований, сопоставляет семантически эквиваленты, фиксирует синонимические единицы и лексико-семантические формирования. Например: «В Петербурге его называют “вяземским кадетом”, в Москве – “золоторотцем”, в Одессе – “шарлатаном”, в Харькове – “раклом”. В Киеве имя ему – “босяк”» [9, 408]; наименования киевских профессиональных богомолок, «созданных молитвенными потребностями города», представлены таким рядом – *ханжушка*, *мокрохвостка*, *дармоедка* [9, 435]; полуофициальные ночлежные дома Киева – *постоялка*, *стрелковый клуб* [9, 423]; *босяки*, *ханжушки*, *стрелки* (персоны, занимающие различные этажи *постоялок*) – имена «темных» лиц, объединенных, помимо прочих различных, одним общим занятием: прошением или вымоганием милостыни всевозможными способами; *заяц* – разновидность городского мошенника, специализирующегося на обманных денежных операциях [9, 427].

Большинство номинаций, используемых писателем, принадлежат восточнославянской лингвокультуре (некоторые имеют тюркские истоки, к примеру, *ханжушка*, *дуван* «добыча»). Это такие лексемы, как *мокрохвостка*,

маз, бугайщик, христославец, хомка. Их производящие слова или словосочетания фиксируются толковыми и другими словарями русского языка: «мокрохвост, -тка, сплетник» [Даль (1), 340]; *ханжушка* от «ханжа... турц. пустохвст., притворно набожный; вообще лицемер, двуличный. <...> шатун, пустаскун и попрошайка» [Даль (3), 542], «ханжа... притворно-добродетельный, притворно-набожный человек, лицемер» [Ушаков (2), 1133]; *христославец* от «Христа славить (устар.) – ходить по домам на Рождестве с пением церковных песен» [Ушаков (2), 1190]; *хомка* («нож») от производной формы личного мужского имени Хома, подобно тому, как воровской арготизм *фомка* (киев. «лом», одесск., харк. «маленький ломик») образовался от производной формы с грубовато-фамильярным оттенком антропонима Фома (вариант Хома) [13, 364–365] или уменьшительно-звательной формы от Тома, Хома [3, 280]; *маз* от «мазурик... (от мазур, поляк или от мазуля, замаарашка, оборванец?), карманный вор, комнатный и уличный в городах, особенно в столицах» [Даль (1), 289]. Полная форма *мазурик* с общим значением «вор» упоминается в «Киевских типах» (1895) в контексте характеристики образа жизни *босяка* (уличного оборванца без места жительства), в котором лексемы *вор, мазурик* и *босяк* образуют синонимический ряд («Босьяк») [9, 409]. Распространение жаргонизма *мазурик* в русской речи и актуальность соответствующего явления приблизительно в этот же период фиксируется Словарем В. Даля (1882), использует его и А. Куприн вне темы «киевской среды», например: «*Мазурик ушел, пронырнул в толпу*» [Даль (2), 500], «У мазуриков: *Он влопался и сгорел, попался и сослан*» [Даль (3), 163], «... окрик мазуриков и жуликов друг на друга: *Стрёма!* берегись, есть опасность» [Даль (3), 338], «... условный, не всякому понятный... язык. *У офеней.., у мазуриков...*» [Даль (3), 680], «Похождения знаменитого *мазурика* Рокамболя» («Звезда Соломона») [10, 483].

Нередко А. Куприн указывает на пути появления новообразований, напр.: *стрелки* – «так они и сами себя называют, производя это название от глагола “стрелять”, что означает – просить или, вернее, выпрашивать» [9, 423]; *кайстра* – «мешок, карман, кошелек и касса одинаково называются этим техническим термином» [9, 413] (жарг. *кайстра* < рус. «кайстра “мешочек”, смол. (Добровольский); “сума, сумка”, зап. (Даль), также *кастра*, курск. (Даль), диал. *kajstra* (Брюкнер 564)... < лат. *canistrum*) [17, 162]).

Номинации *ракл (ракло)* и *шкары* относят к цыганизмам: цыг. *rakló* «парень, юноша (не цыган)» > жарг. *ракло* «вор»; цыг. *šukar, šukir* «красивый, прекрасный» > жарг. *шкар, шкер(-ы), шкары* «брючный карман» > жарг. «брюки» (А. П. Баранников, Б. А. Ларин); «передвижение значения на карман брюк (а со временем и на брюки) у цыганизма *шкар/шкер* представляется туманным, а родственность значений очень уж натянута» [3, 380, 381]. Большой словарь русского жаргона предлагает по поводу происхождения слова заметку В. Даля: «2. шкары, шкар. Угол. ... Брюки... < От офен. *чкары* – шаровары (В. Даль)» [12, 692, 693].

Лексемы *ителп* (нем.), *инифер* (нем.), *зуктер* (нем. «животновод»); слово

подвергается метафорическому переосмыслению, «народной этимологии», по принципам арготической семантики), *марвихер* (польск. < идиш), *барбос* (идиш), *хитис/хитес* (идиш), *блатной* (польск. < идиш < нем.), *шулер* (польск. < нем.), *шарлатан* (фр. < ит.) заимствованы из европейских и восточных языков; лексема *бенефис* (фр.) развила жаргонную специализацию от литературного слова, ранее заимствованного в русский язык. Такого рода жаргонизмами определяется «украинский элемент в аргю»: «Через украинское (или же польское и русское) койне пришло немало иноязычных выражений, в частности “европеизмов”» [3, 194, 527]. «Немецко-еврейские элементы проникли в русское воровское аргю с западных границ, из Литвы, Белоруссии и *Украины* (здесь и далее в цитате курсив наш. – Т. П.), непосредственно из новоеврейского языка (идиш) или через посредство немецкого, польского и *украинского* аргю, пропитанных в свою очередь идишизмами» [5, 158–159].

Многие из отмеченных писателем киевских и шире – городских жаргонизмов Украины или же их форм и значений не включены в работу А. Горбача «Аргю в Украине» [3], написанной (значительная ее часть) на выборочном и систематизированном материале словарей, сборников и других источников – художественных, научных, – указанных для изучения жаргонизмов в тематическом указателе (библиографии) к статье Д. С. Лихачева [11, 94–99]. Так, не упомянуты *бугайщик*, *скокцер*, *блакатарь*, *зуктер*, *бенефис*, *бенефициант*, *христославец*, *заяц*, *шарлатан*, *зудок*; с вариативностью значений зафиксированы лексемы *хитесница*, *кошка*, *карась*, *барбос*, *звонить*, *кайстра*; с вариативностью формы и значений отмечены жаргонизмы *штемп*, *масалка*, *хомка* и *шкары*. Такая вариативность нередко зависит от временного и территориального показателя (А. Куприн: *масалка* – «военный» [9, 413]; А. Горбач: *масал* – «офен. жовнир», *масол* – «дурень, недотепа, селюк», «солдат, жовнир /польский полицейский/, москаль», «одесск. солдат, боец, москаль» [3, 28, 100, 118, 434]), но не обязательно, например, у А. Куприна киев. *штемп* – это «стоящий на стреме» [9, 415], у А. Горбача (по материалам статьи В. Петрова «З фольклору правопорушників») «киев. *штимп* – обворованный, свободный гражданин, более жертва вора» [3, 114]; или тождественное значение («кошелек») имеет у А. Куприна киевский жаргонизм *кайстра* и у А. Горбача «киев. *чмель* (*шмель*)» [3, 114, 270].

Жаргонизмы, характерные для «киевского ареала» XIX – нач. XX вв., входят в синонимические (базовые) ряды русского криминального жаргона с широкими хронологическими границами. Эти ряды, по мнению составителей соответствующего словаря, «в полной мере характеризуют среднестатистическую жизнь “блатного”» (киевские номинации подчеркнуты нами. – Т. П.): «Кража – бишнет, бомбежка.., дело, денник.., скачок, скок.., шармак, шмель, шницф, шоп..; Воры-“специалисты” – абротник, байданщик.., гастролер.., маравихер, марвяхер.., скакун, скачок, скачошник, скокарь (скакарь), скокцер.., техник.., турист.., шницфер.., ювелир; Вор-наставник – гувернер, козлятник, маз, пахан.., шлифовщик; Нож – батас, беда.., жало, жулик,

игла., перо, перышко., рубач., секира., штык; Потерпевший, жертва – битый, большой, ванек., ворона., карась, клиент.; Нищий – алюминик, богодул, богомол, бомбила, босота., снайпер, стрелок...» и т. д. [16, 304–306, 308–309, 312, 318].

Размышляя об эволюции жаргонной лексики, Л. И. Скворцов отмечает: «стоя на позиции наблюдателя с точки зрения литературной (шире – письменно-книжной речи), мы увидим большее или меньшее вхождение, утверждение (или простое “использование” в тех или иных целях) отдельных жаргонных выражений и слов» [14, 30–31]. Привлечение указанных элементов у А. Куприна (в цикле рассказов «Киевские типы») можно охарактеризовать «простым», но «целенаправленным использованием». Рассмотренные номинации не являются исключительно «вспомогательным» компонентом для художественного воссоздания жизненной атмосферы определенных «киевских типов». Жаргонизмы и прозвища представлялись А. Куприну своеобразным, исходным языковым материалом, служащим и темой, и стройной логической структурой литературных зарисовок. Развитие сюжета в данном случае идет от толкования специфических элементов киевской разговорной речи, что и предполагается наименованием некоторых рассказов – «*Босьяк*», «*Бенефициант*», «*Вор*», «*Ханжушка*», «*Стрелкі*», «*Заяц*» (ср. с функционированием элементов воровского языка на страницах романа Л. М. Леонова «Вор» /1927/). Такое использование нищенски-воровского аргумент имеет оттенок трактата («студии», по замечанию А. Горбача [3, 62]) и существенно различается от «непринужденного» и «естественного» употребления, например, воровских жаргонизмов в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1925–27), отражающего определенную степень проникновения арготизмов в разговорную и литературную речь («В ту же секунду его адски резнула вторая оплеуха, и кто-то взвыл в небесах: – Вот он, воруга, *марвихер*, сукин сын. Бей его!!») [2, 213]). Можно предположить, что упомянутые в «Киевских типах» жаргонизмы также функционировали в период некоторого сближения различных социальных разновидностей речи (границы употребления непосредственно в «воровской среде» были менее отчетливыми, жаргонная лексика проникала в общую речь, в литературное просторечие), что подтверждается их «доступностью» для рассмотренного «литературного исследования».

Соотносительный анализ дальнейшей судьбы зафиксированных литературным классиком жаргонизмов позволяет решить дискуссионный вопрос об усвоении жаргонизма обиходно-разговорной речью, нейтрализации его во времени, при движении к литературной речи, к сленгу (А. Доза, Л. И. Скворцов) или же его неизбежного «кризиса», «исчезновения в языке» в новую эпоху (В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранников А. П., Сергиевский М. В. Цыганско-русский словарь. – М., 1938. – 191 с.;
2. Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Романы. – М., 1989. – 750 с.;
3. Горбач Олекса. Арго в Україні. – Львів, 2006. – 686 с.;
4. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / Под. общ. рук. Р. И. Розиной. – М., 1999. – 320 с.;
5. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л., 1936. – 298 с.;
6. История русской

літератури XIX века / Под ред. С. М. Петрова. – Изд. 4. – М., 1978. – 608 с. – С. 364; 7. Колесов В. В. Язык города. – М., 1991. – 192 с.; 8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. – 848 с.; 9. Кузрин А. И. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. I. – М.: ГИХЛ, 1957. – 590 с.; 10. Кузрин А. И. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. V. – М.: ГИХЛ, 1958. – 794 с.; 11. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. – Вып. III–IV. – М.–Л., 1935. – С. 47–100; 12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000. – 720 с.; 13. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк, 2004. – 412 с.; 14. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. – М., 1977. – С. 29–57; 15. Словарь жаргона преступников (благая музыка) / Сост. С. М. Потапов. – М., 1927. – 196 с.; 16. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона / Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М., 1992. – 526 с.; 17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Т. II. – М., 1967. – 671 с.; 18. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) / Под ред. Л. Н. Черенкова. – М., 1990. – 336 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАИМЕНОВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ:

- Даль (1) Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. II. – М., 1955. – 779 с.
Даль (2) Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. III. – М., 1955. – 555 с.
Даль (3) Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. IV. – М., 1955. – 683 с.
Ушаков (1) Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. I. – М., 1935. – 1562 с.
Ушаков (2) Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. IV. – М., 1940. – 1500 с.

Попойлик Ю.Д. (Івано-Франківськ, Україна)

Концепт *БОГ* та його лексикографічне наповнення в українській мовній картині світу

У запропонованій статті розглядається проблема сакрального, зокрема концепт Бог як одна з ключових складових релігійної картини світу. Дослідження здійснюються на матеріалі різноманітних лексикографічних джерел.

Ключові слова: Бог, сакральне, релігійна свідомість, концепт, картина світу, лексикографічне наповнення.

В предлагаемой статье рассматривается проблема сакрального, в частности концепт Бог как одна из ключевых составляющих религиозной картины мира. Исследования осуществляются на материале различных лексикографических источников.

Ключевые слова: Бог, сакральное, религиозное сознание, концепт, картина мира, лексикографическое наполнение.

The problem of sacral, the concept of God in particular as one of the key components of the religious picture of the world, is considered in the suggested article. Research is performed on the material of various lexicographic sources.